

Грин тоже был трудным подростком

Вчера Александру Грину исполнилось бы 113 лет.

Это не юбилей. И сама по себе цифра, как число 13, ничуть не лучше.

Да и то, что у нас сейчас творится, не имеет никакого отношения к Грину.

...Грин в детстве жил в маленьком провинциальном городе Вятка. Типичном городе России, которую мы потеряли. Очень чеховском.

Отец был польским революционером, которого сломила жизнь. Родители были нетрезвые и недобрые. Но всю жизнь учили ребенка высоким материям.

Грин был трудным подростком. Шестнадцатилетним наивным мальчиком.

Где он жил, трудно было быть легким подростком. Он писал прекрасные сочинения в школе... а учителя ставили единицы. Это было не по теме.

У Грина вся жизнь была не по теме. Поэтому над ним часто смеялись Родители, знакомые, критики...

«Иногда я писал стихи и посылал их в «Ниву», «Родину», никогда не получая ответа от редакции. Стихи были о безнадежности, беспросветности, разбитых мечтах и одиночестве... Со стороны можно было подумать, что пишет сорокалетний чеховский герой, а не мальчик...»

Гринеvский ненавидел жизнь, которой он жил в Вятке. Ему было скучно. Он работал, перепробовав десяток профессий. Каждая обещала в будущем ту жизнь, которая у него уже была. Но уже во всей красе.

В конце концов, в шестнадцать лет он ушел из дома. (Родители ему не препятствовали). При себе в ивовой корзине у него была только смена белья и набор акварельных красок, чтобы рисовать фламинго «где-нибудь в Индии, на берегу Ганга...» Он ушел в другую жизнь, поскольку тогда ему казалось — только там, куда он едет, жизнь.

Но там ее не было. Он бежал к морю, а прибежал к пьяным матросам.

В конце концов, его взяли на маленький и грязный корабль. На корабле он тут же начал пить. Каким-то чудом потом он не спился.

Матроса из него не получилось. Он как-то всю жизнь рвался к жизни, а возвращался все в ту же Вятку, хотя Вятка не обязательно так называлась.

Он придумывал себе свой мир, где маленькие, недобрые, грязные и нетрезвые люди побеждаются романтиками.

Мстил своими мечтами жизни, где все было наоборот... Потом Гринеvский решил описать этот мир на бумаге...

Во время первой мировой войны Грин был связистом. В 1916 году начал в окопах писать «Алые паруса».

Повесть в 60 страниц писа-

лась семь лет. Сначала она называлась «Красные паруса», и красный цвет, между прочим, символизировал революцию.

В ноябре 1922 года Грин сделал посвящение: «Нине Николаевне Грин посвящает автор». Книга была закончена. Ее юбилей в прошлом году никто не заметил.

«Алые паруса» очаровали всех, кто их тогда читал.

Грин был странным. Его не понимали, хотя им и восхищались.

В тридцатые годы он жил в Крыму. Его соседом был злобный человек, который его ненавидел. Грина любили дети из пионерлагерей. Они приходили к дому и привязывали свои галстуки на забор, как память об алых парусах. Сосед срывал галстуки.

В сороковые Грина, уже давно умершего, старались забыть, потому что в моде был красный цвет, а не алый... В 50-е он стал по-смертно безродным космополитом. Романтика всегда космополитична.

Возрождение началось в 60-е. Появился фильм с Анастасией Вертинской. В некоей школе стала выходить стенгазета «Алый парус». Редактор газеты девятиклассник Ивкин был хулиганом. Его учительница пожаловалась на него, почему-то в «Комсомольскую правду». Главной молодежной газете СССР неожиданно понравились название стенгазеты и ее принципы. Остальное известно.

А после перехода «Алого паруса» из стенгазеты в «Комсомольскую правду», уже после того, как Алексей Ивкин стал его капитаном, Грин был неожиданно включен в программу средней школы.

Детей пытались научить романтике, забывая о том, что романтика — это данность. Ей так же невозможно научить, как любви к Родине. (Луначарский однажды заявил, что учить человека любви к Родине — все равно, что учить блондина быть блондином).

В семидесятые годы Грин стал классиком, и уже навсегда.

В восьмидесятые был его юбилей, столетие. Жизнь казалась кристально чистой, и уже маячило на горизонте что-то красненькое.

Потом красненькое исчезло... Детей уже не учат любви к родине с маленькой буквы.

Ничего алого на горизонте. Алые паруса, как красные тряпочки.

Но это — лишь потому, что мы разучились мечтать.

Нам надо только научиться этому. Всего лишь научиться мечтать.

И все-все возвратится...

Денис КОРСАКОВ.